

Большой знаменный проспевъ

выпуск 14

Илакон
воскресные на осмь гласовъ
"Лукошкова переводъ"

Иван Лукошко, в иночестве архимандритъ Исаил

ЦГА Карелия, № 38, л. 304 — 308. Конец XVI — нач. XVII в.

Издание храма Спаса Нерукотворного Образа
в Андрониковом монастыре

Москва, 2002 г.

Иван Лукошко (архим. Исаия)

Ученик новгородца Стефана Гольша Иван Трофимович Лукошко (архимандрит Исаия) – виднейший представитель школы “усольского мастеропения”, который по свидетельству современников “вельми знаменного пения роспел и наполнил”.¹ В певческих рукописях его имя встречается не менее часто, чем Федора Христианина, из чего можно заключить, что этот мастер также пользовался большим авторитетом и популярностью.

“Переводы” (произведения) Ивана Лукошки были широко известны уже в начале XVII века. Это песнопения большого распева: “Волсви персидстии”, “Благовествует Гавриил”, “Царю небесный” и воскресные ипакои на восемь гласов из Октая (ипакои – древнейший тип богослужебных песнопений, известных в рукописной традиции с XII века). К названным песнопениям можно еще добавить “Да ся исправит молитва моя”, “Да молчит всяка плоть”, “Приидите, вернии” и др. с пометками в рукописях: “перевод усолской, розвод инока Исаия”, “перевод Исаия Лукошки усолского пения”, “перевод Лукошкін” и пр.²

“Славник” “О колико блага”, завершающий ряд стихир на “Господи воззвах” недели о блудном сыне, Лукошкова распева датируется в рукописи 1601 годом, и представляет собой, по словам одного из исследователей, “вершину в эволюционном развитии древнейшего варианта (XII в.) песнопения. Мастерство усольского распевщика проявилось в умении раскрыть певческое значение сложных “тайнозамкнутых” формул знаменного пения с привнесением черт неповторимого авторского участия в формировании разводов этих формул. Лукошков также мелодически обогатил, освежил отдельные фрагменты песнопения... В его произведении активно взаимодействуют, взаимодополняют и взаимообусловливают друг друга в тесном единстве текст и напев, силлабика и мелизматика, ярко претворены черты традиций и новаторства. Написание к песнопениям распевов на основе уже сложившихся традиций (усольской, новгородской, “общерусской”) выдвинуло Лукошкова в ряд выдающихся распевщиков России.”³

Стихира “Царю небесный” является “славником” группы стихир “на стиховне” праздника Св. Троицы. Древнейшие выявленные записи этого песнопения относятся в XII и XIII вв.⁴ Если записи последующих XV – XVI веков можно отнести к редакциям этого древнего распева (Н.В. Парфентьева), то перевод Ивана Лукошко – это оригинальная авторская композиция. В произведении усольского распевщика “силлабо-мелизматический тип соотношения текста и распева уступил место мелизматическому, в котором преобладают внутрислоговые фитные и лицевые разводы”. “Важно отметить, – пишет Н.В. Парфентьев в своем капитальном исследовании усольского пения, – что Лукошков одним из первых, если не первым, среди русских распевщиков решился на создание оригинальной музыкальной композиции на текст данного произведения. В каноническом искусстве это мог позволить себе только высокоталантливый и авторитетный музыкант”.⁵

Особенности музыкальной техники распевщика в этом произведении следующие: “Рифмование ряда строк едиными типизированными концовками, а также смена в строках конечных ладовых опор; изменение направления мелодического движения в переломных моментах по типу отраженной волны; вклю-

чение необычайно протяженных фитных распевов в кульминационные фрагменты. Лукошков создает собственное произведение как модель “идеального пения”, восходящего к “небесному архетипу”. Все средства музыкальной выразительности служат объединению словесного ряда в единое художественное целое. Все направлено на непрерывное развертывание музыкальной мысли, очищенной от всего мирского, греховного”⁶

Оригинальные авторские композиции древнерусских распевщиков отнюдь не являются свободным композиторским творчеством в современном понимании, это все то же традиционное канонично-церковное творчество в рамках знаменного распева как модальной музыкальной системы со всеми ее закономерностями, но только на более высоком уровне, например, в стилевом подвиде столпового пения – большом распеве, иными словами, это дальнейшее творческое естественное развитие стиля знаменного пения.

“Мастер, создавая оригинальный распев, не вышел из круга интонаций и композиционных приемов, присущих его эпохе. Свободное творчество проявилось не в поисках нового музыкального языка, а в совершенном владении техническими тонкостями написания большого знаменного распева. Лукошков предстает и как непревзойденный знаток фитного пения. Его мастерство и новаторство проявляются прежде всего в собственном прочтении сложнейших фитных формул. Искусно вплетая попевочный, лицевые и фитные обороты в единую масштабную форму, усольский мастер придал каноническому тексту новое звучание и необычную распевность”⁷.

В отношении воскресных ипаков на восемь гласов, распетых Иваном Лукошко в торжественном и сложном мелизматическом стиле большого распева, Н.В. Парфентьев считает, что этот цикл выделяется из всех песнопений усольских мастеров как величественное творение, требующее особого исследования, поскольку по музыкальному значению и сложности распева может быть сравним с такими монументальными творениями русских распевщиков, как Евангельские стихиры Федора Христианина и Крестные стихиры митрополита Варлаама Рогова.⁸

Архимандрит Исаия (Иван Трофимович Лукошко) оставил след в русской истории не только как один из самых выдающихся распевщиков. Есть сведения, что он участвовал в избрании на царство Бориса Годунова. Если предположение, что в 1598 году он был игуменом Костромского Богоявленского монастыря, пока не удалось подтвердить документально, то достоверно известно, что с 1602 по 1621 год он был архимандритом Владимира-Рождественского монастыря, второго в то время по значению после Троице-Сергиева.

“Известно, что глава этого монастыря, – пишет Н.П. Парфентьев, – с древнейших времен играл важную роль в церковных и государственных делах. До 60-х годов XVI века владимира-рождественские архимандриты первыми из настоятелей монастырей подписывались под решениями соборов и другими документами государственной важности; затем вторыми, после троице-сергиевских”⁹.

Князь И.М. Барятинский в своей челобитной, поданной патриарху Филарету в 1620 году по поводу своей тяжбы с Рождественским монастырем за вотчины, обвинял попутно архимандрита Исаию, что он был “ростриге (Лжедмитрию I)

духовник”, однако обвинение это документально не подтверждено, а дело патриарх Филарет решил в пользу монастыря”.¹⁰

В 1613 году при избрании на царство Михаила Романова архимандрит Исаия Лукошко в утвердительной грамоте подписался первым из монастырских иерархов. Через год царь Михаил поручает ему возглавить чин погребения старицы-царицы Александры. В 1619 году архимандрит Исаия участвует в избрании на патриаршество Филарета, а также в чине его наречения и поставления.

По описи Сольвычегодского Благовещенского собора, составленной в 1579 году, в переписи зеркал, блюд и чаш указывается чаша “положение попа Ивана Трофимова сына Лукошкова”. Отсюда можно предположить, что родился он около 1540 года, поскольку в то время до 30 лет в попы не ставили. Священник Иван Лукошко жил тогда на посаде при Благовещенском соборе, о чем свидетельствуют документы того времени, в которых упоминается “Лукошков двор”.¹¹

В 1615 году, уже будучи архимандритом Владимиро-Рождественского монастыря, архимандрит Исаия делает вклад певческой книгой в Сольвычегодский Благовещенский собор, на свою малую родину, с условием заупокойного поминования себя и своих родителей, которые, вероятно, там и были похоронены. Этот певческий сборник с дарственной надписью ныне находится в Государственном историческом музее. Надпись на певческой рукописи гласит: “Лета 7123 (1615) марта в 25 день сия книга певчая домовая церковная соборного каменного храму Благовещения Пречистыя Богородицы и пределов ея у Соли Вычегодской на посаде. Положение из Володимера града Рождественского монастыря Пречистыя Богородицы архимандрита Исаии Лукошкова для поминания заупокойного по себе и по своих родителях”.¹²

Дата кончины архимандрита Исаии Лукошко предположительно 1621 год.

¹ ГИМ. Собр. Уварова. №152. Л.164 об.

² РНБ. Софийское собр. № 480. Л.208; РГБ.Ф.304. №429.Л.195,494 об. – По: Парфентьев. Указ. соч. С. 61.

³ Парфентьева Н.В. Указ. соч. С. 165.

⁴ ГИМ. Успен. №8.Л.212-212 об.(ХII в.) ; РНБ. Соф. № 85.Л.180 (ХIII в.). – По: Парфентьева...

⁵ Парфентьева. Указ.соч. С. 168.

⁶ Там же. С.174.

⁷ Там же. С.175.

⁸ Там же.

⁹ Косаткин В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX века. Владимир.1906. – По: Парфентьев...

¹⁰ РГАДА.Ф.281.Д.1903. – По: Парфентьев...

¹¹ Парфентьев.Указ. соч. С.58.

¹² ГИМ. Синод. слав. № 819. Л.1 – 28. – По: Парфентьев...

Б. Кутузов

Ипакой, глас 1

Раз - бой - ни - - - - че

по - - ка - -

я - - ни - - - - - -

- - - - е

ра - - - -

и о - тве - - рзе, пла - -

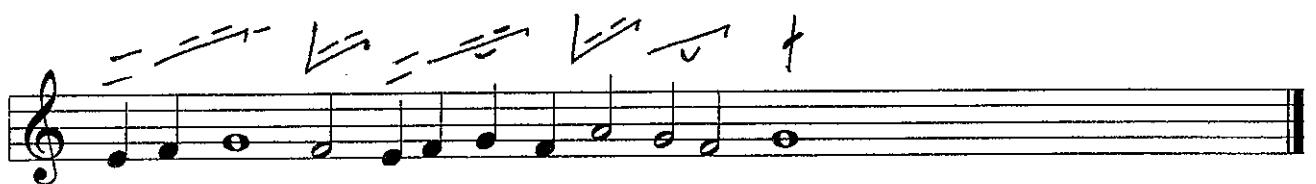
A handwritten musical score on a single staff. The staff begins with a treble clef. There are several slurs and grace notes above the main notes. Below the staff, the lyrics are written in cursive Russian: "ч - - - - - же ми - - - ро - -".

A musical score for a single melodic line. The staff begins with a treble clef and a common time signature. The melody consists of eighth and sixteenth notes, with various slurs and grace marks indicating performance style. Below the staff, the lyrics are written in a cursive font: 'но - си - - цы' on the first two measures, 'ра - - - - -' on the third measure, and a final dash on the fourth measure.

A handwritten musical score on a single staff. The staff begins with a treble clef. There are seven distinct rhythmic patterns, each consisting of a note followed by a dot and a short vertical line. Above the staff, there are seven corresponding handwritten symbols: two 'ш' shapes, two 'з' shapes, one 'и' shape, one 'ж' shape, and one 'ч' shape. Below the staff, the lyrics are written in cursive Russian: '- до - сте во - - - зве - - - сти'. The 'и' symbol above the staff corresponds to the second 'е' in 'зве'.

A handwritten musical staff in G clef. The notes are represented by dots and dashes. There are several slurs: a single short slur over two notes, a double short slur over three notes, a single long slur over four notes, a single short slur over two notes, a single long slur over five notes, and a single short slur over two notes. There are also several rests, including a half note rest, a quarter note rest, and a eighth note rest.

A musical staff in G clef with six measures. The first measure has a single eighth note. The second measure has two eighth notes. The third measure has three eighth notes. The fourth measure has four eighth notes. The fifth measure has five eighth notes. The sixth measure has six eighth notes. Below the staff, the lyrics "Го - спо -" are written.

Ипакой, глас 2

По стра - сти ше - - -
до - ши на гро - - -
бо по - ма - за - - ти Те - -
ло Тво - - е
же - ны Хри - сте Бо - - же
ви - де - - ша а - нгэ - - -

- лы у гро - ба и у -

жа - со - ша - ся, гла - со

же слы - ша - ху от

ни - хо я - - ко

во - ста Го - спо - - де

по - - да - я ми - ро -

ви

ве - - ли - ю ми - ло - сте.

Ипакой, глас 3

у - ди - вля - я

ви - де - ни - е - ме

о - ро - ша - я гла - го - ла - ни -

е - ме

бли - ста - я - ся а - нгэ -

ло ми - ро - но - си - ца - мо

гла - го - ля - - ще: что

и - ще - - - - те
 жи - ва - - го во гро -
 бе во - ста
 ис - пра - здни - вы - и гро - бы, тли
 пре - ме - ни - те - ля ра - зу - ме - и - те
 не - пре - ме - не - на - го, рце - те
 бо - - - - гу:

Handwritten musical score for voice and piano, featuring seven staves of music with lyrics in Russian. The lyrics are:

ко - ле стра - ше - на де - ла

Тво - я я -

- ко ро - -

до спа - сло е - сте

че - ло - - ве -

че - ски - и.

Ипакой, глас 4

Handwritten musical score for the song "Ипакой" in G clef. The score consists of seven staves of music, each with a unique melodic line and rhythmic patterns indicated by vertical strokes and horizontal dashes. The lyrics are written below each staff:

- Staff 1: И - - же
- Staff 2: Тво - е -
- Staff 3: - го пре - - сла -
- Staff 4: - ве - на - - го
- Staff 5: во - ста - ни -
- Staff 6: - я
- Staff 7: (empty staff)

A handwritten musical score for soprano voice, consisting of eight staves of music. The lyrics are written below each staff in Russian. The lyrics are:

предо-те-ко-
ша ми-
ро-но-си-цы а-по-сто-ло-мо bla-
го-ве-ство-ва-
ху
я-
ко во-скре-

се Хри - - -

- сто - со

я - - ко | Бо - го

ми - - ро - ви

зда - я - и ве -

- ли - я ми - ло - сте.

Ипакой воскресный, глас 5.

A - нгэ - - - ле - ски - - -

- мо зра - - - ко -

- - - мо у - - - - мо

со - му - - ща - - ю - ще

и бо - же-стве - нны - - ме

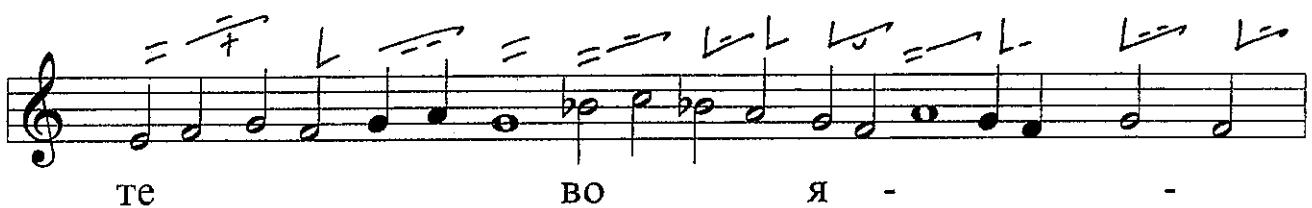
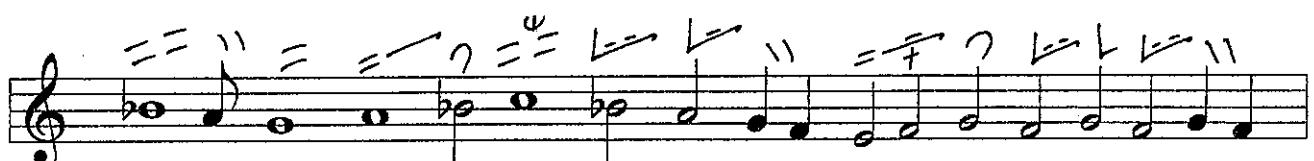
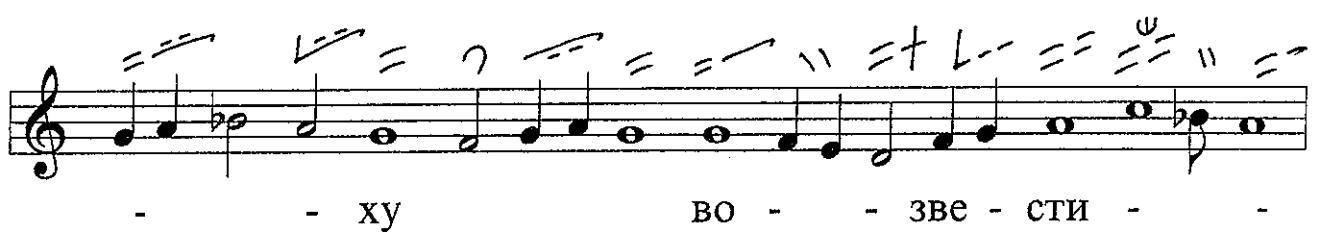
xa - - - xa - бу -

- ва - - ста - - ни -

- е - - ме ду -

ша про - све-ща - - ю - - щим ми - ро - но -

- си - - - -

A handwritten musical score for a single melodic line. The score consists of a treble clef staff with five horizontal lines. Above the staff, there are several slurs and grace notes written in a cursive style. The music begins with a whole note followed by two eighth notes. This pattern repeats three times. After the third repetition, the music continues with a whole note, followed by a grace note, another whole note, and a grace note. The sequence then repeats again with a whole note, grace note, whole note, and grace note. The score concludes with a final whole note.

во - скре - се - ни -

A handwritten musical score for a single melodic line. It features a treble clef at the beginning of a five-line staff. The music consists of various note heads and stems, some with horizontal strokes through them, indicating specific performance techniques like slurs or grace notes. The score is divided into measures by vertical bar lines. Below the staff, there are three short horizontal dashes followed by the letter 'e'.

e

A musical staff in treble clef with a key signature of one sharp. The staff consists of five horizontal lines and four spaces. It features a series of eighth notes and sixteenth notes, each followed by a vertical bar line and a short horizontal bar above it, indicating a specific performance technique.

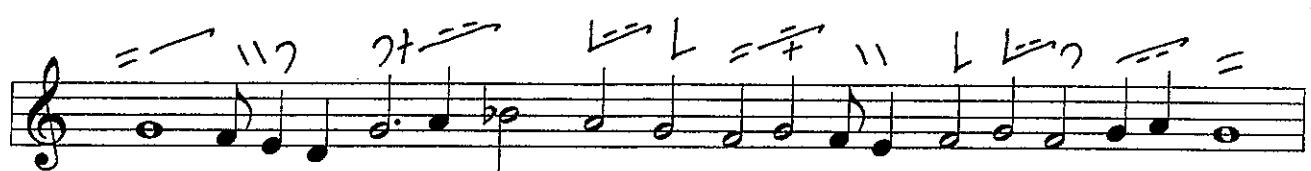
Го - спо - ду

A handwritten musical staff consisting of five horizontal lines. The first measure starts with a treble clef, followed by a 'V' with a dash, another 'V', a 'W' with a double bar line, and a '5'. The second measure starts with a '2', followed by a '1' with a dash, and a '2' with a double bar line.

по - спе - - - - - ше - - ству - ю - щу

A handwritten musical staff on a five-line grid. The staff begins with a treble clef. It contains several note heads and rests of different shapes: a single vertical line, a vertical line with a diagonal stroke, a vertical line with a horizontal stroke, a vertical line with a short horizontal stroke, a vertical line with a diagonal stroke and a short horizontal stroke, a vertical line with a diagonal stroke and a horizontal stroke, a vertical line with a diagonal stroke and a short horizontal stroke, and a vertical line with a horizontal stroke. There are also several rests represented by short horizontal dashes.

чю - де - - - си и по - да - -

вe - - - ли - - ю

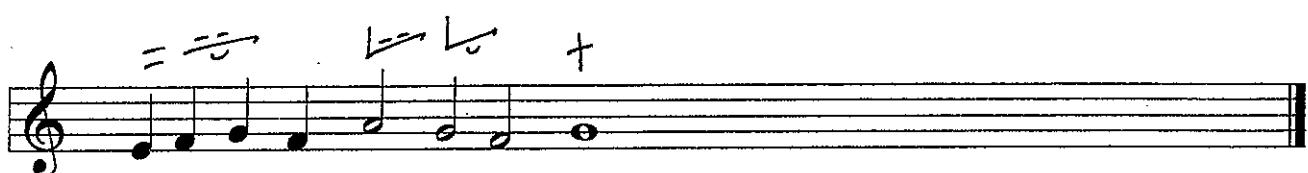
ми - - -

ло - - -

сте.

Большой знаменный распевъ

выпуск 14

Илакон
воскресные на осмь гласовъ
"Лукошкова переводъ"

Иван Лукошко, в иночестве архимандритъ Исаил

ЦГА Карелия, № 38, л. 304 — 308. Конец XVI — нач. XVII в.

Издание храма Спаса Нерукотворного Образа
в Андрониковом монастыре

Москва, 2002 г.

Иван Лукошко (архим. Исаия)

Ученик новгородца Стефана Гольша Иван Трофимович Лукошко (архимандрит Исаия) – виднейший представитель школы “усольского мастеропения”, который по свидетельству современников “вельми знаменного пения роспел и наполнил”.¹ В певческих рукописях его имя встречается не менее часто, чем Федора Христианина, из чего можно заключить, что этот мастер также пользовался большим авторитетом и популярностью.

“Переводы” (произведения) Ивана Лукошки были широко известны уже в начале XVII века. Это песнопения большого распева: “Волсви персидстии”, “Благовествует Гавриил”, “Царю небесный” и воскресные ипакои на восемь гласов из Октая (ипакои – древнейший тип богослужебных песнопений, известных в рукописной традиции с XII века). К названным песнопениям можно еще добавить “Да ся исправит молитва моя”, “Да молчит всяка плоть”, “Приидите, вернии” и др. с пометками в рукописях: “перевод усольской, розвод инока Исаия”, “перевод Исаия Лукошки усольского пения”, “перевод Лукошкин” и пр.²

“Славник” “О колико блага”, завершающий ряд стихир на “Господи воззвах” недели о блудном сыне, Лукошкова распева датируется в рукописи 1601 годом, и представляет собой, по словам одного из исследователей, “вершину в эволюционном развитии древнейшего варианта (XII в.) песнопения. Мастерство усольского распевщика проявилось в умении раскрыть певческое значение сложных “тайнозамкнутых” формул знаменного пения с привнесением черт неповторимого авторского участия в формировании разводов этих формул. Лукошков также мелодически обогатил, освежил отдельные фрагменты песнопения... В его произведении активно взаимодействуют, взаимодополняют и взаимообусловливают друг друга в тесном единстве текст и напев, силлабика и мелизматика, ярко претворены черты традиций и новаторства. Написание к песнопениям распевов на основе уже сложившихся традиций (усольской, новгородской, “общерусской”) выдвинуло Лукошкова в ряд выдающихся распевщиков России.”³

Стихира “Царю небесный” является “славником” группы стихир “на стиховне” праздника Св. Троицы. Древнейшие выявленные записи этого песнопения относятся в XII и XIII вв.⁴ Если записи последующих XV – XVI веков можно отнести к редакциям этого древнего распева (Н.В. Парфентьева), то перевод Ивана Лукошко – это оригинальная авторская композиция. В произведении усольского распевщика “силлабо-мелизматический тип соотношения текста и распева уступил место мелизматическому, в котором преобладают внутрислоговые фитные и лицевые разводы”. “Важно отметить, – пишет Н.В. Парфентьев в своем капитальном исследовании усольского пения, – что Лукошков одним из первых, если не первым, среди русских распевщиков решился на создание оригинальной музыкальной композиции на текст данного произведения. В каноническом искусстве это мог позволить себе только высокоталантливый и авторитетный музыкант”.⁵

Особенности музыкальной техники распевщика в этом произведении следующие: “Рифмование ряда строк единными типизированными концовками, а также смена в строках конечных ладовых опор; изменение направления мелодического движения в переломных моментах по типу отраженной волны; вклю-

чение необычайно протяженных фитных распевов в кульминационные фрагменты. Лукошков создает собственное произведение как модель “идеального пения”, восходящего к “небесному архетипу”. Все средства музыкальной выразительности служат объединению словесного ряда в единое художественное целое. Все направлено на непрерывное развертывание музыкальной мысли, очищенной от всего мирского, греховного”⁶.

Оригинальные авторские композиции древнерусских распевщиков отнюдь не являются свободным композиторским творчеством в современном понимании, это все то же традиционное канонично-церковное творчество в рамках знаменного распева как модальной музыкальной системы со всеми ее закономерностями, но только на более высоком уровне, например, в стилевом подвиде столового пения – большом распеве, иными словами, это дальнейшее творческое естественное развитие стиля знаменного пения.

“Мастер, создавая оригинальный распев, не вышел из круга интонаций и композиционных приемов, присущих его эпохе. Свободное творчество проявилось не в поисках нового музыкального языка, а в совершенном владении техническими тонкостями написания большого знаменного распева. Лукошков предстает и как непревзойденный знаток фитного пения. Его мастерство и новаторство проявляются прежде всего в собственном прочтении сложнейших фитных формул. Искусно вплетая попевочный, лицевые и фитные обороты в единую масштабную форму, усольский мастер придал каноническому тексту новое звучание и необычную распевность”⁷.

В отношении воскресных ипаков на восемь гласов, распетых Иваном Лукошко в торжественном и сложном мелизматическом стиле большого распева, Н.В. Парфентьева считает, что этот цикл выделяется из всех песнопений усольских мастеров как величественное творение, требующее особого исследования, поскольку по музыкальному значению и сложности распева может быть сравним с такими монументальными творениями руских распевщиков, как Евангельские стихиры Федора Христианина и Крестные стихиры митрополита Варлаама Рогова.⁸

Архимандрит Исаия (Иван Трофимович Лукошко) оставил след в русской истории не только как один из самых выдающихся распевщиков. Есть сведения, что он участвовал в избрании на царство Бориса Годунова. Если предположение, что в 1598 году он был игуменом Костромского Богоявленского монастыря, пока не удалось подтвердить документально, то достоверно известно, что с 1602 по 1621 год он был архимандритом Владимира-Рождественского монастыря, второго в то время по значению после Троице-Сергиева.

“Известно, что глава этого монастыря, – пишет Н.П. Парфентьев, – с древнейших времен играл важную роль в церковных и государственных делах. До 60-х годов XVI века владимира-рождественские архимандриты первыми из настоятелей монастырей подписывались под решениями соборов и другими документами государственной важности; затем вторыми, после троице-сергиевских”⁹.

Князь И.М. Барятинский в своей челобитной, поданной патриарху Филарету в 1620 году по поводу своей тяжбы с Рождественским монастырем за вотчины, обвинял попутно архимандрита Исаию, что он был “ростриге (Лжедмитрию I)

духовник”, однако обвинение это документально не подтверждено, а дело патриарх Филарет решил в пользу монастыря”.¹⁰

В 1613 году при избрании на царство Михаила Романова архимандрит Исаия Лукошко в утвердительной грамоте подписался первым из монастырских иерархов. Через год царь Михаил поручает ему возглавить чин погребения старицы-царицы Александры. В 1619 году архимандрит Исаия участвует в избрании на патриаршество Филарета, а также в чине его наречения и поставления.

По описи Сольвычегодского Благовещенского собора, составленной в 1579 году, в переписи зеркал, блюд и чаш указывается чаша “положение попа Ивана Трофимова сына Лукошкова”. Отсюда можно предположить, что родился он около 1540 года, поскольку в то время до 30 лет в попы не ставили. Священник Иван Лукошко жил тогда на посаде при Благовещенском соборе, о чем свидетельствуют документы того времени, в которых упоминается “Лукошков двор”.¹¹

В 1615 году, уже будучи архимандритом Владимира-Рождественского монастыря, архимандрит Исаия делает вклад певческой книгой в Сольвычегодский Благовещенский собор, на свою малую родину, с условием заупокойного поминования себя и своих родителей, которые, вероятно, там и были похоронены. Этот певческий сборник с дарственной надписью ныне находится в Государственном историческом музее. Надпись на певческой рукописи гласит: “Лета 7123 (1615) марта в 25 день сия книга певчая домовая церковная соборного каменного храму Благовещения Пречистыя Богородицы и пределов ея у Соли Вычегодской на посаде. Положение из Володимера града Рождественского монастыря Пречистыя Богородицы архимандрита Исаии Лукошкова для поминания заупокойного по себе и по своих родителях”.¹²

Дата кончины архимандрита Исаии Лукошко предположительно 1621 год.

¹ ГИМ. Собр. Уварова. №152. Л.164 об.

² РНБ. Софийское собр. № 480. Л.208; РГБ. Ф.304. №429.Л.195,494 об. – По: Парфентьев. Указ. соч. С. 61.

³ Парфентьева Н.В. Указ. соч. С. 165.

⁴ ГИМ. Успен. №8.Л.212-212 об.(ХII в.) ; РНБ. Соф. № 85.Л.180 (ХIII в.). – По: Парфентьева...

⁵ Парфентьева. Указ.соч. С. 168.

⁶ Там же. С.174.

⁷ Там же. С.175.

⁸ Там же.

⁹ Косаткин В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX века. Владимир.1906. – По: Парфентьев...

¹⁰ РГАДА.Ф.281.Д.1903. – По: Парфентьев...

¹¹ Парфентьев.Указ. соч. С.58.

¹² ГИМ. Синод. слав. № 819. Л.1 – 28. – По: Парфентьев...

Б. Кутузов

Ипакой, глас 1

Раз - бой - ни - - - - че

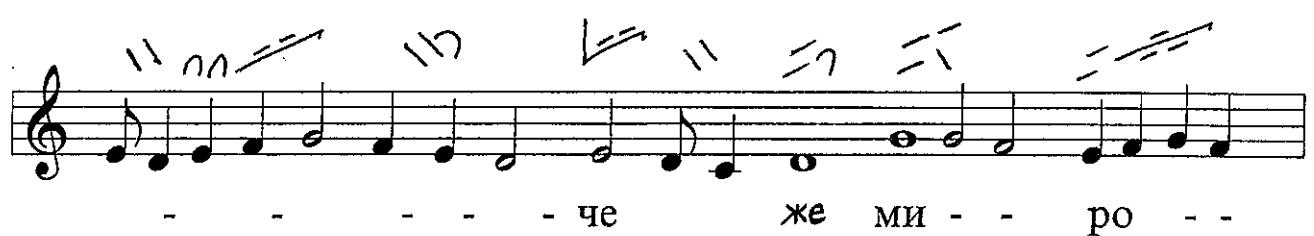
по - - ка - -

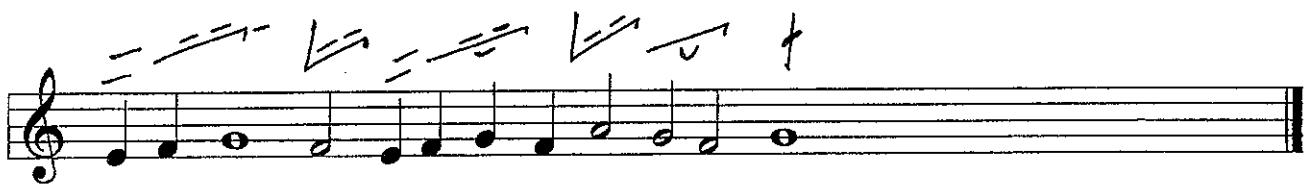
я - - ни - - - - - -

- - - - е

ра - - - -

и о - тве - - рзе, пла - -

Ипакой, глас 2

Handwritten musical score for the hymn "Ипакой" in G clef, consisting of eight staves of music. The lyrics are written in Russian below each staff. The lyrics are:

По стра - сти ше -
- до - ши на гро -
- бо по - ма - за - ти Те -
- ло Тво - е
же - ны Хри - сте Бо - же
ви - де - ша а - нгэ -

- лы у гро - ба и у -

жа - со - ша - ся, гла - со

же слы - ша - ху от

ни - хо я - - ко

во - ста Го - спо - - де

по - - да - я ми - ро -

ви

ве - - ли - ю ми - ло - сте.

Ипакой, глас 3

у - ди - вля - я

ви - де - ни - е - ме

о - ро - ша - я гла - го - ла - ни -

е - ме

бли - ста - я - ся а - нгэ -

ми - ро - но - си - ца - мо

гла - го - ля - - ще: что

ко - ле стра - ше - на де - ла

Тво - - я -

- ко ро - -

до спа - сло е - сте

че - ло - - ве -

че - ски - и.

?? - - " - - " = = - - ??

Ипакой, глас 4

Handwritten musical score for the song "Ипакой". The score consists of seven staves of music in G clef. The lyrics are written below each staff.

1. И - - же

2. Тво - е -

3. - го пре - - слा -

4. - ве - на - - го

5. во - ста - ни - -

6. - я

сe Хри - - -

- сто - - со

я - - ко | Бo - гo

ми - - po - ви

зда - я - и ве - -

- ли - я ми - ло - сте.

Ипакой воскресный, глас 5.

A - нгэ - - - ле - ски - - -

- мо зра - - - ко -

- - - мо у - - - - - мо

со - му - - ща - - ю - ще

и бо - же-стве - нны - - ме

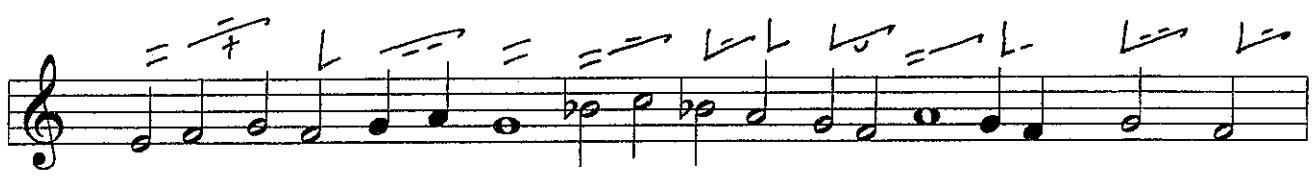
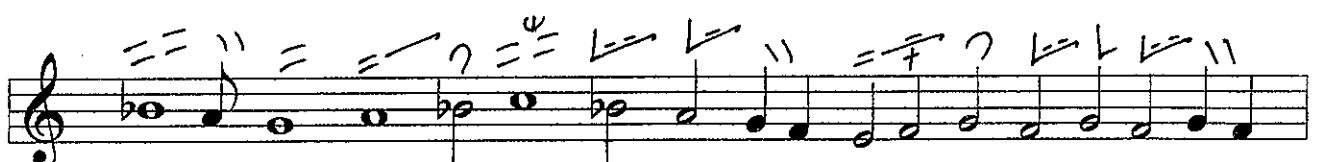
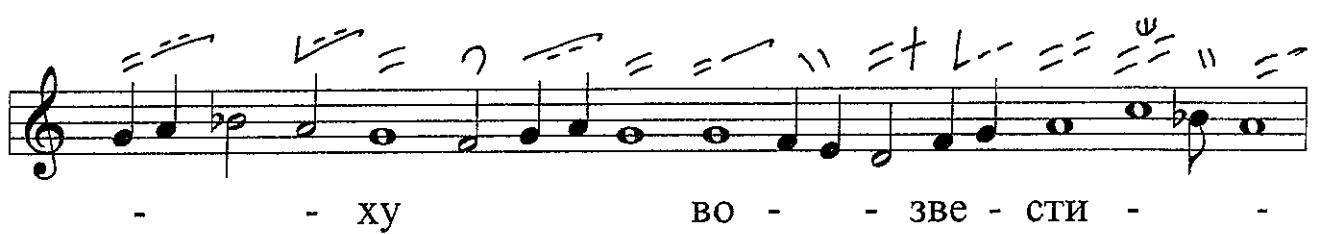
xa - - - xa - бу - -

- ва - - - ста - - - ни -

- - - е - - - ме - ду -

ша - про - све - ща - - - ю - - - щим - ми - ро - но -

- си - - - - -

во - скре - се - ни -

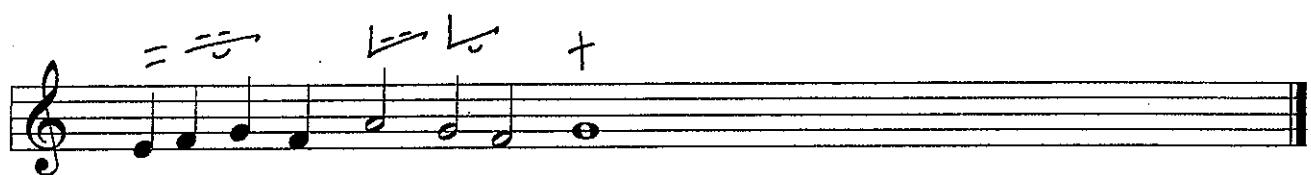
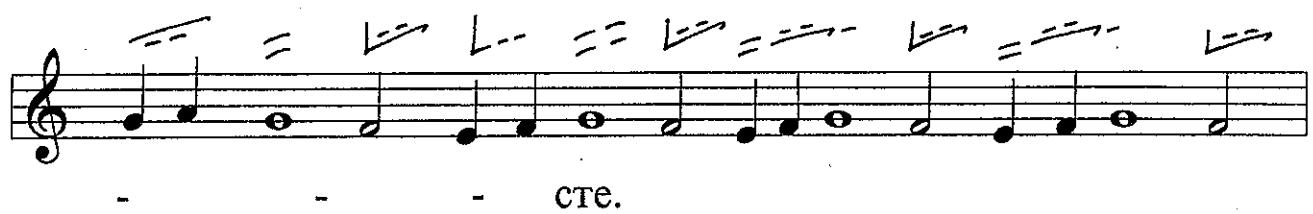
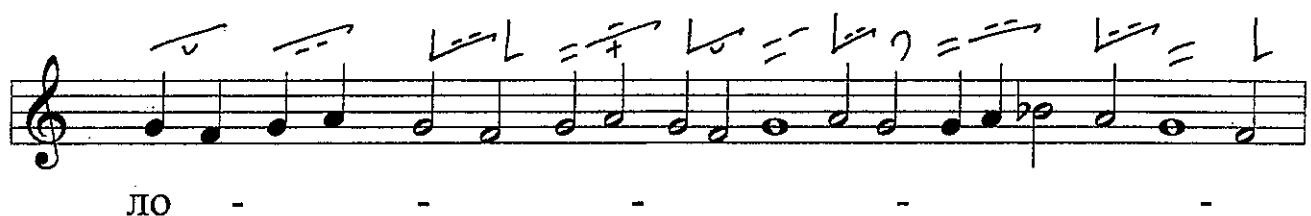
е

Го - спо - ду

по - спе - - - ше - ству - ю - щу

чю - де - - - сы и по - да - -

ю - ще - - - му на - - - мо

Ипакой, глас 6

Bo - ле - но - ю

и жи - во - тво -

рно - ю Ти сме - рти - ю

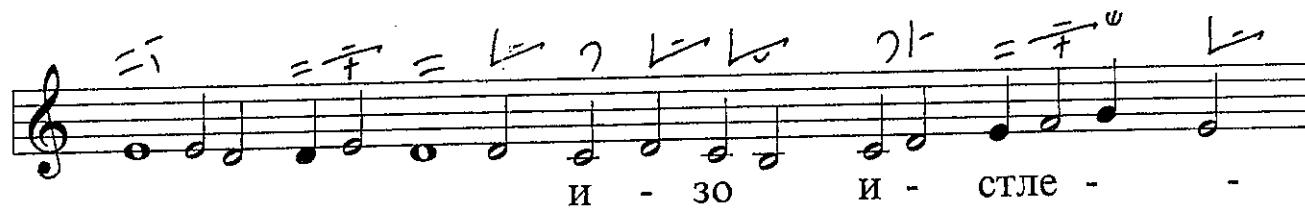
Хри - сте Бо -

же вра -

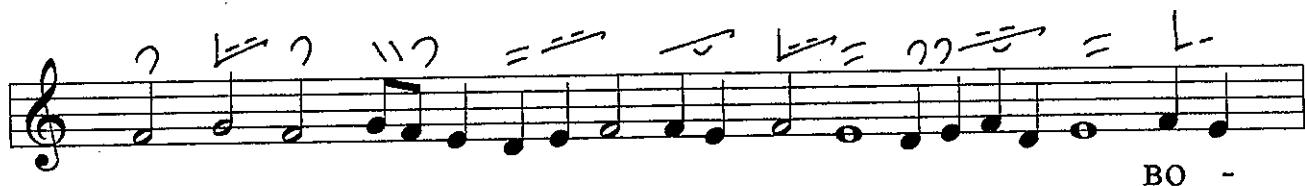
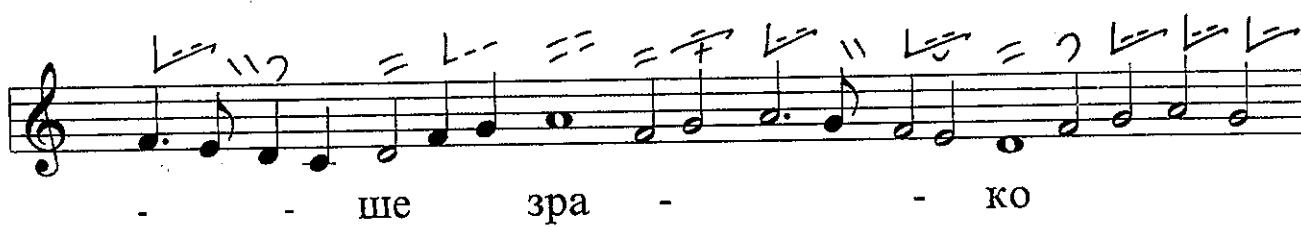
та а - до - ва со - кру - ши - во я -

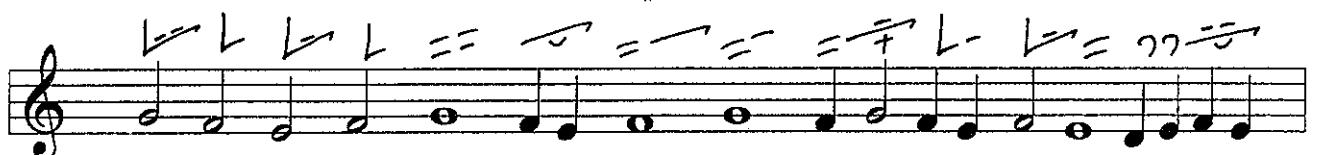
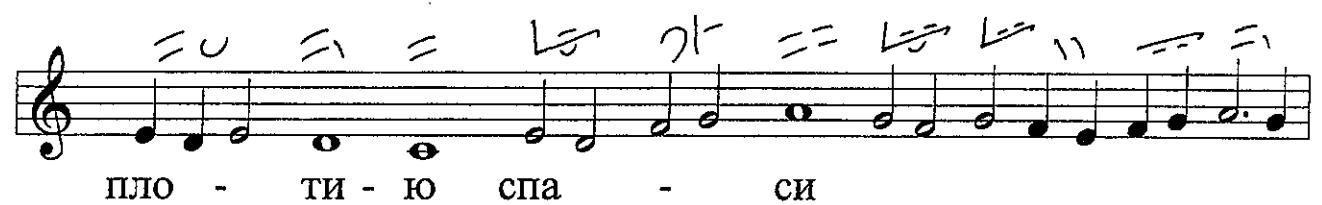
- ко Бо - - го

o - то - ве - рзло е -
 си на -
 -
 -
 -
 -
 mo
 -
 -
 дре - ве - ни - и ра - и
 во - скре - со из ме - ртвы - - хо

Ипакой, глас 7

Ипакой, глас 8

Ми - ро - но - си - ца
 жи - во - да -
 ве - но - му пре - до - сто -
 я - ще гро -
 бу ис - ка - ху
 во ме - ртвы - xo
 бес - со - ме - рте - на - го

и ра - до - сте bla - - го- ве -

ще - ни - - я o - то a -

нге - - ла при - и - мо - ше a - по - сто -

ло - мо во - зве - ща - - - ху

во - - - скре - - - се

Хри - стос Бо - го

по - да - я

ми - ро - ви

ве - ли - ю ми - ло -

- сте.